

XXII СЪЕЗД КПСС И ОБЩЕСТВЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ В ПРИМОРЬЕ

Игорь Васильевич БЕЗИК,
кандидат исторических наук

Минуло более сорока лет со времени работы XXII съезда КПСС (октябрь 1961 г.), принявшего программу построения коммунизма в СССР, которая была рассчитана на два ближайших десятилетия. Программа, разумеется, касалась и Приморья. В этой связи автор обратился к документам Государственного архива Приморского края, и статья написана на основе его материалов, впервые вводимых в научный оборот.

По случаю съезда, перед ним и после него в Приморье была проведена самая, пожалуй, крупная и массивная за весь хрущевский период идеологическая кампания¹. Среди ее составляющих центральное место занимала традиционная для периода по формам и методам массово-политическая работа. Так, во Владивостоке в связи с началом работы съезда по состоянию на 19 октября 1961 г. прошел 301 митинг. На митингах присутствовали 56 131 чел. и выступили 1 410. В так называемых съездовских мероприятиях участвовало поголовно все население — от мала до велика. В Госархиве Приморского края сохранился, например, такой документ:

«Правительственная телеграмма
Москва, Кремль
XXII съезду партии

Пионеры и школьники Первомайского района г. Владивостока горячо приветствуют участников исторического XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза и рапортуют съезду о делах первого года пионерской двухлетки.

Нами собрано около 500 тонн металлолома, высажено 17 тысяч деревьев и кустарников, собрано 70 тысяч штук стеклопосуды, выращено 42 тысячи цветов, в ремонте школьного здания и мебели участвовало 45 ремонтно-строительных бригад. 30 отрядам присвоено звание «Отряд — спутник семилетки», 50 отрядов борются за это почетное звание.

Дружины шести школ района борются за звание «Дружин-спутниц семилетки».

В честь XXII съезда КПСС дружина им. Павлика Морозова зажигает алую звезду «Дружина — спутница семилетки».

Обещаем любимой партии быть достойными строителями коммунизма, самой счастливой жизни на земле.

Пионеры-школьники Первомайского района г. Владивостока».

В целом в Приморье, по официальным данным, направленным в ЦК КПСС, обсуждение материалов XXII съезда КПСС, включая программу, доклады и вы-

ступления Н.С. Хрущева, прошло на 2 395 собраниях и митингах, на которых присутствовали 333 195 чел. и выступили 7 600. Данные на декабрь 1961 г.²

Можно по-разному воспринимать эти цифры. Автор во всяком случае с большим недоверием относится к такой «партийной» статистике, зачастую с преувеличенными цифрами. Однако, что следует признать, так это действительно массовое участие (в том числе «добровольно-принудительное») широких масс в различных мероприятиях, связанных со съездом.

Анализ совокупности различных документов и материалов 1961—1962 гг., воспоминания современников свидетельствуют: многие приморцы под впечатлением двух докладов и заключительного слова Н.С. Хрущева на съезде публично поддержали критику сталинизма, решение о выносе саркофага с телом И.В. Сталина из мавзолея, потребовали суда над сталинскими соратниками — участниками «антипартийной группы» и т. д. Так, А. Иванов, участковый уполномоченный Ленинского районного отдела милиции г. Владивостока, заявил: «Раньше мы с уважением относились к Сталину, Кагановичу, Молотову и другим. Сейчас чувствуем неприязнь к ним, так как они обманули нашу веру в них. Хочется, чтобы всех участников группировки судили». А вот слова начальника цеха фармацевтической фабрики (г. Владивосток) М.С. Черкаса: «...Тяжелый осадок остался от всех этих дел группировки в период культа личности. Тяжело вспоминать годы, когда ни в чем неповинных людей подвергали наказаниям»³.

Начальник технического отдела судоремзавода А. Ильютенко на митинге сказал: «Наша партия, советский народ потеряли большое количество выдающихся деятелей партии и государства в период массовых репрессий. За эти злодеяния несут ответственность Молотов, Маленков, Каганович и в первую очередь Сталин. Я одобряю полностью решения съезда о выносе тела Сталина из Мавзолея Ленина и об исключении из партии главных организаторов расправ над честными советскими людьми»⁴.

Другая часть населения была настроена по-иному. Но выступать открыто в защиту И.В. Сталина и его окружения в той конкретной обстановке собраний и встреч решались все же немногие — можно было попасть в «черные списки» парткомов или даже заплатить партбилетом. Поэтому свое мнение они выражали в более сглаженных формах: «У Сталина были и заслуги...», — говорили в Находке, Артеме, Тетюхе; «Отметил ли Хрущев (на съезде) положительные заслуги Сталина?», — спрашивали в г. Арсеньеве. Многих интересовал вопрос: «Как быть с медалями Советского Союза, на которых изображен Сталин? Не потеряли ли они в новой обстановке своего статуса и значения?» (Арсеньев, Владивосток, пос. Тетюхе...)»⁵.

Попутно отметим, что во Владивостоке в разговорах на тему съезда в конце 1961 — начале 1962 г. можно было услышать рассказ (байку?) о том, что вскоре после выноса тела И.В. Сталина из мавзолея у новой плиты-надгробия его захоронения у Кремлевской стены появился венок, переплетенный колючей проволокой и с надписью: «Посмертно репрессированному — от посмертно реабилитированных».

Как известно, в течение «оттепельных» лет в стране накопилось немало трудностей и нерешенных проблем. За них нес политическую ответственность Н.С. Хрущев как лидер партии и глава правительства. Вопрос, заданный в Ленинском районе г. Владивостока в этом плане, как говорится, бил «не в бровь,

а в глаз»: «Почему на съезде партии, обсуждавшем программу партии, было уделено мало внимания этой программе и положению в стране, а много — культу личности, антипартийной группе и советско-албанским отношениям?»⁶.

Ответ на такой вопрос очевиден: у Н.С. Хрущева, руководства КПСС было стремление отвлечь внимание народа от трудностей, существовавших в стране, и переключить это внимание на второстепенное — культ личности, антипартийную группу и пр.

В стране в те годы началась очередная (и не последняя) кампания по переписыванию истории Советского Союза. В этой связи студенты Владивостока спрашивали: «Не создается ли сейчас новый культ личности, на этот раз Н.С. Хрущева?»

Попутно отметим, что вышедший на экраны кинотеатров края в июне 1961 г., в преддверии съезда пропагандистский документальный фильм «Наш Никита Сергеевич» был далеко неоднозначно встречен общественностью Приморья. В наэлектризованной общественно-политической атмосфере тех лет многие приморцы правомерно увидели в этом фильме проявление нового культа личности, на сей раз Хрущева. Парторганы, естественно, все намеки на это отвергали. И лицемерно поучали массы: надо, мол, видеть разницу между культом личности и авторитетом руководителя⁷.

...Продолжим тему о XXII съезде. Хрущевским съездовским «коньком» стала критика албанских коммунистов-«ревизионистов». И этот отвлекающий маневр от имевшихся проблем можно признать удавшимся. Многих приморцев такие «откровения» задели и заинтересовали.

До хрущевских сообщений лишь немногие в стране знали о фактическом разрыве взаимоотношений между СССР и Албанией. В Приморье, в частности, об этом могли знать лишь первый секретарь крайкома КПСС В.Е. Чернышев да, видимо, руководство ТОФ. Ибо Н.С. Хрущев был просто взбешен поступком Албании, захватившей советские подводные лодки на базе во Влере⁸.

А вот реакция приморцев: «Участники митинга Приморского судоремонтного завода г. Находки с гневом осудили антимарксистские действия Шеху и Ходжа и заявили о своей полной поддержке выступлений Н.С. Хрущева и делегатов съезда, критиковавших поведение албанских руководителей»⁹.

В прессе после съезда еще не было открытой антикитайской кампании (она начнется в 1963 г.), но вопросы приморцы задавали: «Как вели себя на съезде китайские товарищи?» (г. Арсеньев); «Почему уехал со съезда Чжоу Энь Лай?» (г. Лесозаводск); «Отношение КПК к культуре личности? и др.»¹⁰

В обобщающих справках о ходе изучения материалов XXII съезда партаппаратчики всех уровней не могли уйти от проблем и вопросов, связанных с повседневными реалиями жизни простых людей. Эти вопросы партийные «верхи» не любили, их боялись. А вопросов, требований, жалоб было очень и очень много. Немало рабочих, колхозников и интеллигентов специально приходили на встречи с делегатами съезда, чтобы задавать вопросы, высказывать недоумение, жалобы...

На первое место среди традиционно «неудобных» выходили вопросы продовольственного снабжения, социально-бытовые, включая жилищные, и т. д. Так, судя по справке от 25 октября 1961 г. по г. Сучану, большое количество вопросов было задано именно по неудовлетворительному снабжению шахтерского города маслом, мясом, даже хлебом, особенно черным. Люди спрашива-

ли: «Почему, судя по докладам и сообщениям, имеется большой рост производства товаров народного потребления и сельскохозяйственных продуктов, а на прилавках их недостаточно?» (г. Лесозаводск); «Как реагируют правительство и центральные органы на плохое продовольственное снабжение населения?» (г. Арсеньев); «Почему в городе нет овощей, в то время как урожай в крае был неплохой?» (Владивосток)...

На собрании актива Приморской краевой и Владивостокской городской парторганизаций, прошедшем 17 ноября 1961 г. во Владивостоке по итогам работы XXII съезда КПСС, первому секретарю крайкома партии В.Е. Чернышеву также задавались «неприятные» вопросы: «Почему во Владивостоке ежегодно срываются планы ввода жилья?»; «Почему в продаже мало масла, жиров, мяса в то время, как заготовки этих продуктов по сравнению с 1956 г. увеличились в 2—2,5 раза?»

На послесъездовских собраниях звучали резкие высказывания в адрес партноменклатуры, связанные с нарушением этики и социальной справедливости: «Почему имеются закрытые распределители продуктов питания в крайкоме и крайисполкоме?»; «Существуют дачи ответственных партийных, советских и хозяйственных работников, которые проживают там по несколько месяцев, а путевок в Дома отдыха и санатории очень мало. Нельзя ли передать эти дачи под Дома отдыха?» (г. Владивосток); «Для чего организуются праздничные встречи приезжих руководителей с большой потерей рабочего времени. Например, с Козловым?»¹¹.

Подобные вопросы, на мой взгляд, возникали из-за жесткой политики КПСС и государства в области осведомленности населения об обстановке, дозированности информации, невозможности получить разнообразные и правдивые сведения о происходящем. По заявлениям и вопросам такого порядка парторганы зачастую реагировали в первую очередь и на редкость оперативно. «Указать», «раскритиковать», «снять», «запретить» было куда легче, чем наладить нормальную торговлю хотя бы овощами и хлебом, не говоря уже о мясо-молочных продуктах.

Ортодоксально прокоммунистически настроенных граждан после XX съезда волновали проблемы проникновения буржуазной идеологии и морали в массы.

Тогда, например, дилетантское усердие в осуждении «вредного» кинофильма М. Хуциева «Два Федора и Наташа» проявил главный редактор приморской краевой газеты «Красное знамя» Н.В. Федюшов¹². Хотя не исключена вероятность, что он «пел» и с голоса вышестоящих партийных инстанций, помимо учета мнения «старых большевиков», возможно, и мифических. Здесь надо отметить безусловное, отменное партийно-номенклатурное чутье главного редактора. Уже в марте 1963 г. сам Н.С. Хрущев на встрече с деятелями культуры резко обрушился на новый кинофильм М. Хуциева «Застава Ильича» (известного после цензурной правки 1965 г. как «Мне двадцать лет»).

Конечно, немалая часть населения еще верила в коммунистическую идею как перспективу. К примеру, в одной из справок, посвященной пропаганде материалов XXII съезда КПСС, отмечалось: «Недавно в одном из сел Хорольского района старики обратились с такой просьбой: — Вот вы проводите вечера вопросов и ответов. Это хорошо. А почему бы нам не поговорить о коммунизме. Лет нам много, может быть, и не доживем...» Райком партии поддержал это предложение, организовав соответствующий вечер (колхоз им. В.И. Ленина)¹³.

В отчетах о таких вечерах обязательно указывалось, что «на все заданные вопросы докладчики давали исчерпывающие ответы», хотя неясностей у самих докладчиков нередко было не меньше, чем у слушателей, но просто имелось больше опыта «партийной пропаганды» и умения ловко «уходить» от вопросов¹⁴. Уже тогда в рабочей среде такой «метод» откровенно называли «словоблудием». В отношении пропагандистов, агитаторов, докладчиков в некоторых коллективах в неформальной обстановке употреблялось и негативное жаргонное слово-определение «мозгодуи» (Находка, Сучан).

Естественный протест и возмущение приморцев вызывало особое, привилегированное положение партаппаратчиков. Уже в первой половине 1960-х годов (при «позднем» Хрущеве и при «раннем» Брежневле) в Приморье было широко распространено мнение, что ответственные партработники уже «живут при коммунизме», «у них там (в буфете и столовой крайкома), в спецмагазинах полный коммунизм».

Видное невооруженным глазом социальное неравенство на фоне демагогии о социальной справедливости, «возрастании руководящей роли партии в коммунистическом строительстве», превращении КПСС «из партии рабочего класса в партию всего советского народа» раздражало людей и вызывало только негативную реакцию. К популярному лозунгу «Народ и партия — едины!» приморцы добавляли слова: «Но только разное едим мы!»

В ходу был анекдот: «Высокий партийный чиновник, завершая лекцию о XXII съезде, с чувством восклицает: «Итак, товарищи, мы будем жить при коммунизме!» Молчание. И голос из зала: «А мы?»»

Шоком для приморцев стало «временное» повышение государственных розничных цен на мясо-молочные продукты с 1 июня 1962 г. Такой оказалась реализация программы построения коммунизма! (О реакции населения Приморья на это партрешение рассказано в отдельной публикации в нашем журнале)¹⁵.

...Вернемся к послесъездовским месяцам 1961 г.

Как свидетельствуют документы, вскрывались иногда самые неожиданные факты, связанные с пропагандой материалов съезда и политики КПСС. Так, в одной из справок отмечалось, что «в Кавалеровской средней школе все вопросы (о XXII съезде) сводились к войне, и школьники часто говорили: «Да что там учеба, все равно война». Ничего они не знали об антипартийной группе, о культе личности Сталина, «имели очень смутное представление о моральном кодексе»¹⁶.

Если в последнем случае спрос мог быть с партийных и комсомольских организаций района, школы и с педагогического коллектива, то сложнее было с «войной». Здесь нужно помнить общеполитический фон лета-осени 1961 г. — нервно-тревожный. Именно он, по нашему мнению, мог вызвать столь стрессовую и неадекватную реакцию у школьников, вообще детей.

Кстати, известно и о военном психозе в американских школах, в частности, в 1962 г., в связи с возможностью ядерного удара СССР («Карибский кризис»).

В 1961—1964 гг. различные проблемы, связанные с пропагандой и реализацией решений съезда, рассматривались на заседаниях районных и городских комитетов партии, в парткомах и партбюро предприятий и учреждений. Чтение большого числа решений, постановлений и справок парторганов, отложившихся в документах фондов партархива, постоянно напоминало автору фразу из вузовского курса латыни: «Aqua currit et debere currere ut currere solebat — «Вода течет и должна течь, ибо привыкла течь»...

...31 августа 1962 г. бюро КК КПСС рассмотрело вопрос «О состоянии лекционной пропаганды материалов XXII съезда КПСС и Программы партии во Владивостокской партийной организации».

Справку к заседанию бюро подготовил руководитель лекторской группы крайкома Баскаков. В ней отмечались многие недостатки. И вновь фигура Сталина явилась своеобразным водоразделом. От «Сталина» в эти годы «уйти» было просто невозможно. Особый упор в справке делался на «прегрешения» одного из лекторов, преподавателя вуза, который в лекции „О преодолении культа личности и его последствий“ «...сосредоточил все внимание на отрицательных последствиях культа личности Сталина и ничего не рассказывал о борьбе КПСС против культа личности, за восстановление ленинских норм партийной жизни». «...Правление краевого общества по распространению политических и научных знаний запретило ему выступать с подобной лекцией», — таков был партийный вердикт¹⁷.

«Виновник», судя по справкам, откровенно говорил и о «подхалимах», которые создают новый культ новому лидеру, т. е. Хрущеву.

Сам съезд и его решения, связанные с проблемами культа личности И.В. Сталина и программой строительства коммунизма, после ухода Н.С. Хрущева с политической арены фактически перестали вспоминать в партийной агитации и пропаганде в Приморье (и в стране), в общественно-политической и исторической литературе.

В Приморье саркастически стали говорить: «Коммунизм как линия горизонта — к нему приближаешься, а он удаляется».

¹ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф-П-307. Оп. 1. Д. 1. Л. 115—120; Ф.П-68. Оп. 30. Д. 433. Л. 29—36 и др.

² Там же. Ф.П-68. Оп. 30. Д. 16; Д. 8. Л. 44, 5, 113, 190 и др.

³ Там же. Д. 8. Л. 93—94.

⁴ Там же. Л. 154.

⁵ Там же. Л. 12, 91.

⁶ Там же. Л. 92.

⁷ Безик И.В. Октябрь 1959 года: Н.С. Хрущев в Приморье. Ретроспективный взгляд через сорок лет. Владивосток, 2000. С. 120.

⁸ «Я верю в величие старшего брата». Запись беседы первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева с председателем ЦК Партии трудящихся Вьетнама Хо Ши Мином. 17 августа 1961 г. // Источник. 1998. № 2. С. 80, 82, 83.

⁹ ГАПК. Ф.П-68. Оп. 30. Д. 8. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 12, 96, 138.

¹¹ Там же. Оп. 101. Д. 153. Л. 94. Оп. 30. Д. 95. Л. 86; д. 8. л. 131, 151—152, 91—92.

¹² Там же. Оп. 6. Д. 351. Л. 54—55.

¹³ Там же. Оп. 30. Д. 95. Л. 18, 19, 59—60; см. также Л. 87.

¹⁴ Там же. Д. 8. Л. 147, 97.

¹⁵ Безик И.В. Хрущевская «оттепель» в Приморье // Россия и АТР. 2002. № 1.

¹⁶ ГАПК. Ф.П-68. Оп. 30. Д. 118. Л. 5.

¹⁷ Там же. Д. 14. Л. 328.

SUMMARY. “Protests in Primorye after the XXII Congress of the Communist Party of the Soviet Union” is the title of the article by Candidate of Historical Sciences I. Bezik. On the archive documents the author writes about open and illegal protests of Primorye citizens against some aspects of the policy of the Communist Party of the Soviet Union.